

УДК 37.01

Культурные трансформации высшего образования: на пути к университету эпохи сверхсложности

Карелин Владислав Михайлович

Кандидат философских наук,
доцент,

доцент кафедры современных проблем философии,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, площадь Миусская, 6;
e-mail: vlad.karelin@gmail.com

Аннотация

В статье проанализированы современные тенденции эволюции университета как социокультурного проекта. В качестве методологической основы исследования использована модель, представляющая историю развития современного университета через трансформацию его основополагающей идеи, последовательно предполагавшей обращение к ценностям разума, культуры, совершенства. Современные модели университета в соответствии с таким подходом следует определять как строящиеся на нормативно-ценностном фундаменте, а на коммуникативных основаниях. В работе показано, что в соответствии с такой установкой, современный социокультурный контекст требует описания в терминах неопределенности и сложности, а также сверхсложности. Современный университет предстает соответствующим такому подходу, т.к. не только развивается в соответствии с социальными реалиями, но и влияет на формирование социальной сверхсложности. Часто обсуждаемое в настоящее время состояние кризиса университета в этой оптике выглядит всего лишь как переходное, и вопрос будущих моделей «университета сверхсложности» – это вопрос поиска оснований, которые не будут нести оттенков административной тотальности, познавательной фундаментальности и т.п. Основания таких моделей стоит определить не как нормативно-легитимирующие, а как коммуникативные и практико-ориентированные.

Для цитирования в научных исследованиях

Карелин В.М. Культурные трансформации высшего образования: на пути к университету эпохи сверхсложности // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 3А. С. 166-172.

Ключевые слова

Высшее образование, университет, развитие образования, сверхсложность, коммуникация.

Введение

Университет как культурно-исторический проект существует много столетий, а в настоящее время можно говорить об устойчивой модели университета, сформировавшейся за последние два века. В своем привычном виде он резко отличается от других социальных институтов, в том числе образовательных. Отличен он и от науки, но в силу прагматически обусловленной близости к ней, динамика его развития во многом сопряжена с процессами научного сообщества.

Объяснить такую динамику может подход Т. Куна, обосновывающий значение социальной детерминированности знания. Развитие науки нередко объясняется Куном в его классической работе «Структура научных революций» через обращение к реалиям университетского образования: функциям учебника, фигуре студента, научно-образовательной социализации и т.д. Так, говоря об принципах научной работы, ученый подчеркивает, что наука в зрелом состоянии строится на парадигме – совокупности теоретико-мировоззренческих фундаментальных установок. Они рождаются не только внутри науки, но и закладываются в образовательной подготовке, которая снабжает необходимыми знаниями и дает право профессиональной деятельности [Кун, 2001, 27]. Изучение парадигм – ключевой концептуальный компонент высшего образования, что обеспечивает устойчивость научного сообщества; это состояние Кун определяет как «нормальную науку», тем самым говоря о конструктивном факторе догматичности в научно-образовательной социализации, моделирующего карьеру профессионала от первого курса до диссертации и самостоятельной работы [Кун, 2001, 78]. Важный инструмент этой социализации – вузовский учебник, служащий «зеркалом» положения дел в науке и обеспечивающий «концептуальную социализацию» (с одной стороны, подавая информацию в удобном виде, с другой – отбирая знания, определяемые как необходимые и правильные). Идея парадигмального развития предполагает, что в результате революционных перемен для научного сообщества меняется историческая перспектива ценности знания, а это совместно влияет как на логику научных публикаций, так и на структуру учебников [Кун, 2001, 18].

Благодаря такому подходу, нетрудно заметить, что научное знание во многом структурируется ценностными установками, исходящими от науки, а в дальнейшем транслируются и дополнительно корректируются политикой знания в системе образования. Следовательно, важным средством разработки содержания научных теорий являются ценности, а пространством непосредственной их реализации служит университет. Можно утверждать, что вузовское приобщение к науке – сфера не столько педагогики, эпистемологии, социальной инженерии и т.п., сколько область реализации ценностных дискурсов. Поэтому формирование университетского знания структурируется прежде всего прагматическими ориентирами, базирующимися на аксиологических установках, в свою очередь определяемых культурно-историческим контекстом.

Аксиологическое измерение университета

В плане исторического рассмотрения ценностный дискурс заявляет о себе особенно остро со становлением европейского университета современной формации, берущей начало с Гумбольдтовского университета. Говоря о принципах работы Берлинского университета с 1810-х гг., мы постоянно сталкиваемся с описанием его не только бюрократической, но и

ценностно-нормативной структуры. Ценностное измерение образования можно найти и в догумбольдтовском университете. Однако новый аксиологический акцент иной: ценности декларируются явным образом и часто провозглашает сам же университет, оказываясь и субъектом, и объектом собственной рефлексии, – что резко выделяет гумбольдтовский проект на фоне предыдущих и оставляет отпечаток на дальнейшей теории университета. До настоящего времени проблема миссии университета – типично ценностно-ориентированная по своему характеру тематика – становится неотъемлемой частью дискуссий о задачах и перспективах университета [Коллини, 2016, 46–48].

Ценностная сторона осмысления феномена университета далеко не ограничивается анализом миссии и связанной с ней этической проблематики, ориентированной на вопросы культуры человечества и морали. В рамках экспликации социально значимых ценностей науки и высшего образования можно обнаружить концептуальные конструкции, которые объясняют значимость и университета вообще, и значимость именно гумбольдтовской модели в частности. Вслед за концепцией Билла Ридингса, в дискурсе университета часто выделяют социальные ценности, функционирующие в качестве друг за другом возникающих стержневых «идей эпохи»: идеи разума, культуры и совершенства.

Эволюция идеи университета как социокультурного проекта

Понятие «разума» и часто неявно ассоциированные с ним идеи «знания – силы», уверенности в пользе прогресса, по мнению Б. Ридингса, выступают смыслообразующим каркасом для понимания сути университета, в частности, И. Кантом. Здесь «разум» не только философская категория и детерминанта идеальной образовательной среды: эта категория вплетена в сеть других идей, выступая обоснованием и для них, и для внешних целей университета. «Размышляя об Университете, Кант также впервые затрагивает проблему возможности соединения разума и государства, знания и власти. <...> Принципиально важно, что для этого он вводит фигуру субъекта, способного рационально мыслить и осуществлять республиканскую политику» [Ридингс, 2010, 31]. В таком свете дискурс разума и дискурс университета оказываются опорой для легитимации ценностей, лежащих за их пределами – по крайней мере, власти и государственности. Например, для унификации – принципа в отношении культуры на национальном уровне, обеспечивающем единообразие социальных идентичностей и институционализацию государством всего пространства политических отношений.

Другое понятие – «культура» – субстрат дальнейшего развития идеи университета. Оно позволяет развернуться политически ориентированному идеалу унификации, служащему легитимации образа культуры, которая на деле является «культурой с определенным артиклем», т.е. такой, которая служит целям укрепления национально-государственного суверенитета – как внутренней самодостаточности и внешней независимости. Не отбрасывая прочих концепций, модель гумбольдтовского университета впитывает в себя именно таким образом окрашенные идеалы культуры и, становясь в дальнейшем широко распространенной, репродуцирует их в дальнейшей истории университета.

По Ридингсу, идея следующей эпохи – нашего времени – «совершенство». Тематически она продолжает установки доминантности и тотальности разума и превосходстве подкрепленной символической силой власти культуры. Однако современный дискурс университетского совершенства несопоставим с идеологией совершенства гумбольдтовского университета; причина – в радикально изменившемся характере социально-экономических отношений.

Процессы глобализации превращают идеал локально-национального университета в анахронизм, и актуальная модель университета, ориентируясь на «транснациональное», ослабляет значимость «национального» в силу размывания национальных границ. Главной проблемой современного университета становится то, что его прежние задачи поддержки просвещения и знания, питающих друг друга, уходят в тень – и идеалы образования и науки уже не играют смыслообразующей роли, попросту становясь наполнителем бюрократической структуры. «Идея национальной культуры больше не придает происходящему в Университете всеохватывающий идеологический смысл, вследствие чего вопрос о том, что именно преподается или производится в качестве знания, становится все менее значимым» [Ридингс, 2010, 27].

Переход к современному состоянию показал несостоятельность объясняющих миссию университета категорий «культура» или «совершенство». Это касается и многих других идей, претендующих на фундаментальность. Терминологические обозначения общественных функций университета теперь не отсылают к реально действующим явлениям, хотя и продолжают использоваться. Этот процесс Ридингс определяет как «дереференциализацию», отмечая потерю значения у терминов «культура», «совершенство» и даже «университет». Подобная практика сейчас оказывается довольно широкой: похожее происходит со множеством понятий, которые отсылают к изменчивым и контекстуально очень ограниченными явлениям. Иногда такие понятия оказываются изначально неоднозначными, типичным примером чему служат дискуссии о «гуманности» и «гуманитарности» в высшем образовании, порой неосторожно смешивающие семантику этих понятий [Nussbaum, 2015].

Имеющееся состояние дел можно объяснить столкновением идеологий университета, долго существовавших и выглядящих устойчивыми, – с действительностью, не изоморфной этим идеологиям, и развивающихся в ней новых ориентиров образования [Барнетт, 2013, 11]. Это приводит к новым дискуссиям о легитимации университета как проекта в целом с провокационными предложениями отказаться от идеи университета вообще. Это не обязательно повлечет уничтожение университета, а, скорее, приведет к перестройке структуры педагогического сообщества и формированию университета «без идеи», жизнь которого должна строиться не на идеологии знания, а опираться на децентрализованную практику социальной коммуникации [Readings, 1997, 31].

Университет в мире сверхсложности и неопределенности

Многие современные подходы к анализу современного общества часто обозначаются как релятивистские, нефундаменталистские и т.д. Они показывают мир как принципиально лишенный оснований, включая в свой тезаурус понятия «неопределенность», «непредсказуемость», «нестабильность» и т.п. В социогуманитарных исследованиях идеи недетерминистично устроенной жизни порой находят прямое отражение в названиях распространенных метафор: «ирония» (Р. Рорти), «общество риска» (У. Бек), «текущая современность» (З. Бауман) и др. По мысли британского исследователя образования Рональда Барнетта, современный мир нужно рассматривать не просто как сложный, а как «сверхсложный». «Сверхсложность – это такой тип сложности, при котором наши схемы понимания мира оказываются проблематичными. Это высшая степень сложности, когда мы вынуждены по мере возможности искать новые способы жизни и даже выживания в мире, где все наши схемы постоянно проверяются на прочность и подвергаются сомнению» [Барнетт,

2013, 15]. Университет не только отражает это состояние, но и формирует его – в силу того, что современное высшее образование часто ставит акцент не на обретении умений и знаний, а на развитии адаптивности и самостоятельности.

Черты университета в эпоху сверхсложности можно осмыслить исходя из следующих установок [Барнетт, 2013, 16–18]: 1) «критическая междисциплинарность»; университет – как место культивации неопределенности – требует реализации творческого подхода, которому нужно не только опираться на разнообразные дисциплины, но и прибегать к их синтезу, который может оказаться парадоксальным, но должен быть конструктивным; 2) «коллективный самоанализ» – следствие предыдущей установки, которое предполагает рефлексию образовательной системы по поводу результатов коммуникации; 3) «обновление целей»: отказ от жесткого долгосрочного стратегического планирования, допущение вариативности при решении проблем в зависимости от изменений обстоятельств (этот принцип, как и прочие, затрагивает и нормы бюрократической организации, и ценностно-прагматические нормы студентов как будущих профессионалов); 4) «подвижность границ»: академические идентичности нужны лишь в той мере, в какой способствуют решению выбранных задач; 5) «вовлеченность»: в эпоху сверхсложности университету следует взаимодействовать с другими социальными институтами, чья работа затрагивает сферы производства знания и профессиональной деятельности; 6) «коммуникативная терпимость»: это установка, допускающая фундаментальное несоответствие картин мира и при этом призывающая принимать конкурирующие картины для решения проблема, а также призывающая носителей альтернативных точек зрения высказывать свои идеи.

Заключение

Схема культурной трансформации высшего образования на базе смены базовых идей «разум – культура – совершенство» требует в настоящее время дополнения новыми принципами. По Ридингсу, это не принципы историчной «идеи», а принципы коммуникации, обеспечивающей взаимодействие университета как системы с его субструктурами и внешней средой. Говоря о том, что идеология, центрированная на укреплении национальной культуры и в силу этого дававшая университету право определять себя в перспективе исторического развития, уже изжила себя, Ридингс определяет формирующийся сейчас университет как «постисторический» – из-за ненужности какой-то глобальной идеи для его функционирования. В силу изменчивости социальной среды, а также влияния университета на эту изменчивость социальный контекст можно определить как эпоху сверхсложности.

Часто обсуждаемое в настоящее время состояние кризиса университета в этой оптике выглядит всего лишь как переходное, и вопрос будущих моделей «университета сверхсложности» – это вопрос поиска оснований, которые не будут нести оттенков административной тотальности, познавательной фундаментальности и т.п. Основания таких моделей стоит определить не как нормативно-легитимирующие, а как коммуникативные и практико-ориентированные.

Библиография

1. Барнетт Р. Осмысление университета // Теоретические вопросы образования. Минск: БГУ, 2013. С. 5-30.
2. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001. 608 с.
3. Коллини С. Зачем нужны университеты? М., 2016. 264 с.

4. Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010. 192 с.
5. Nussbaum M.C. Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2015. 192 p.
6. Readings B. Theory after Theory: Institutional Questions // The Politics of Research. New Brunswick: Rutgers University Press, 1997. P. 21-33.

Cultural transformations of higher education: towards the university in the age of supercomplexity

Vladislav M. Karelin

PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Modern Problems of Philosophy,
Russian State Humanitarian University,
125993, 6, Miuskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: vlad.karelin@gmail.com

Abstract

The article deals with modern tendencies of evolution of the University as a social and cultural project of the European intellectual culture. The research uses the methodological framework introduced by the research of post-historical studies of the university, conducted by Bill Readings. According to the approach, the history of the modern University could be represented through the evolution of its basic idea, which changed from the idea of “reason” to the idea of “culture” and finally switched to the modern idea of “excellence”. The methodology utilizes the conception of transformation of these ideas, which must finally disappear. Consequently, it would not lead to disappearance of the University, but it will turn it into a non-ideological project; it means that higher education will be based not on axiological values, but on pragmatical ones. The resulting changes will affect both the general syllabus and the pedagogical process as well as the bureaucracy of education. According to the model of Ronal Barnett, such models of the University requires the interpretation in terms of social uncertainty and complexity. Furthermore, the modern state of social dynamics could be described not as “complex”, but as “supercomplex” because of increasing pace of changes. The other reason of such description is. the fact that modern University wields strong influence on social processes. The most significant traits of the project of University are interdisciplinarity, critical approach, communicative tolerance, intellectual flexibility and adaptive strategy planning.

For citation

Karelin V.M. (2019) Kul'turnye transformatsii vysshego obrazovaniya: na puti k universitetu epokhi sverkh slozhnosti [Cultural transformations of higher education: towards the university in the age of supercomplexity]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 9 (3A), pp. 166-172.

Keywords

Higher education, university, educational development, over-complexity, communication.

References

1. Barnett R. (1997) *Realizing the university*. London: Institute of Education, University of London. (Russ. ed.: Barnett R. (2013) Osmyslenie universiteta. In: *Teoreticheskie voprosy obrazovaniya*. Minsk: BSU).
2. Collini S. (2012) *What Are Universities For?* London. Penguin Books Ltd. (Russ. ed.: Kollini S. (2016) *Zachem nuzhny universitety?* Moscow).
3. Kuhn T. (1996) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press. (Russ. ed.: Kun T. (2001) *Struktura nauchnykh revolyutsii*. Moscow: AST Publ.).
4. Nussbaum M.C. (2015) *Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.
5. Readings B. (1997) Theory after Theory: Institutional Questions. In: *The Politics of Research*. New Brunswick: Rutgers University Press.
6. Readings B. (1996) *University in Ruins*. Cambridge: Harvard University Press. (Russ. ed.: Ridings B. (2010) *Universitet v ruinakh*. Moscow).